

НОРМАТИВ И СТАНДАРТ:

(ПОСТ)СОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Ширина тротуара, размер окон и дверных проемов, цвет и тип краски для фасадов домов, количество зеленых насаждений, типы дорожных знаков — все это, как и бесчисленное количество других параметров городской среды, регулируется стандартами. Стандарты играют огромную роль в архитектуре, в городском регулировании и инфраструктуре и вездесущи до той степени, что, кажется, понижают городскую ткань насквозь. Однако часто эфемерность стандартов делает их незаметными для городских жителей и требует особой оптики специалиста, чтобы их распознавать. Как нечто столь вездесущее может быть столь незаметным?

Данный выпуск журнала «Городские исследования и практики» посвящен теме стандартизации и нормам в городской среде и пространственном планировании. В последние годы история стандартизации в архитектуре и градостроительстве все больше обсуждается в академической среде и становится частью учебных программ для архитекторов и урбанистов. Номер включает статьи, касающиеся теории, истории и практики нормализации на постсоветском пространстве.

Стандартизация, связанная с производством городского пространства, слишком разнообразна, чтобы можно было свести ее к единому знаменателю. В истории архитектуры, начиная с начала XX в., стандартизация была принципиально связана с механизацией, вводом индустриальных методов строительства и рационализации производственного процесса¹. Типовое проектирование и индустриализация строительства так или иначе нормировались и регулировались стандартами. Нормирование организации и управление процессами проектирования позволили эффективно использовать полносборные техники строительства и осуществить модернистскую мечту о строительстве «домов с конвейера», которая отразилась и в советских пятиэтажках². Стандарты принципиальны и для всевозможной инфраструктуры, которая плотно покрывает наше городское пространство. К. Истерлинг показала, как международные технические стандарты — от проводов Интернета до стандарта толщины кредитной карточки — оказывают формирующее влияние на современный урбанизм и наделяют едиными кодами пространства, разбитые государственными границами и существующие в полярных политических режимах³.

Техническая и строительная стандартизация, однако, не равна выработке стандартов в городском пространстве. Не только сфера проектирования и строительства, но также и городское планирование подвергалось все большему нормированию. В XX в. функциональное проектирование основывалось на средовых стандартах, интерпретирующих нормирование «нужд» и «потребностей» жителей — как духовных, так и физических⁴. Диллер пишет об этом так: «...в конце XIX в. тело стало восприниматься как механистическая часть производственной машины, продолжение фабричного станка»⁵. Исследователи показали, как работа международных организаций, таких как CIAM, в конечном счете сводилась к выработке единых междуна-

- 1 Giedion S. (1948) *Mechanization Takes Command: A Contribution to Anonymous History*. N. Y.: Oxford University Press.
- 2 Herbert G. (1984) *The Dream of the Factory-made House: Walter Gropius and Konrad Wachsmann*. Cambridge, Mass: MIT Press; Bergdoll B., Christensen P., Broadhurst R. (2008) *Home Delivery: Fabricating the Modern Dwelling*. N. Y.: Museum of Modern Art.
- 3 Easterling K. (2016) *Extrastatecraft: The Power of Infrastructure space*. L.: Verso.
- 4 Stanek Ł. (2014) *Who Needs 'Needs'? French Post-war Architecture and Its Critics // Architecture and the Welfare State*. Abingdon: Routledge. P. 113–132.
- 5 Hughes F. (1996) *The Architect: Reconstructing Her Practice*. Cambridge, Mass.; L.: MIT Press.

родных норм градостроительства⁶. Например, в этой среде ранее выработанная архитекторами начала века визионерская концепция городов-садов с помощью норм была конвертирована в обобщенный универсальный план, позже многократно примененный при запуске программы строительства «новых городов»⁷. Единые нормы позволили планировщикам и архитекторам из разных стран говорить на одном языке, своего рода “lingua franca” архитектуры и проектирования, которым стал язык международного модернизма. Именно эта институциональная среда позволила архитекторам работать сообща над крупными международными проектами — «вавилонскими башнями» XX в.⁸ — и в конечном счете привела к интернационализации профессии архитектора.

Наиболее последовательная критика нормирования и функционального урбанизма прозвучала в 1960-е годы и была связана с именами А. Лефевра и Дж. Джейкобс. Согласно критикам функционального урбанизма, интерпретируя потребности, инструкции по проектированию сводят городского жителя к усредненному абстрактному знаменателю, основанному на нормированных потребностях — начиная от количества необходимой кубатуры воздуха в квартире до потребностей в культуре и образовании⁹. Однако нормирование неординарных и непредсказуемых потребностей горожанина — в спонтанности и игре — оказалось гораздо более сложной задачей. Нельзя сказать, что эти дискуссии середины века завершились победой одной из сторон и привели к отказу от стандартизации. Напротив, критика стандартов, согласно К. Куперс, была принципиальной частью глобального процесса проектирования, необходимой обратной связью, которая вела в конечном счете к уточнению и выработке новых решений, а в результате — к новым стандартам¹⁰.

Утопия стандартизации и нормирования наиболее полно воплотилась в социалистическом градостроительстве. Наверное, самая знаковая советская норма — 9 кв. м «жилой площади», полагавшихся на одного советского гражданина. До конца существования СССР оставался единственной в мире страной, где жилье распределялось на основе нормы «жилищной площади», а не числа квартир или жильцов¹¹. Вспоминая о ней, Н.Я. Мандельштам писала: «Будущие поколения не поймут, что такое “площадь” в нашей жизни. Из-за жилплощади и ради нее совершалось немало преступлений»¹². Несмотря на разнообразность стандартов, мы можем быть уверены, что стандарты не являются только лишь техническими документами и ограничениями работы проектировщиков; они мифологизируются, превращаются в культурные артефакты и имеют свою историю.

Стандарт городской среды может служить формой минимального ограничения и необязательно вырождается в единообразие, тем не менее в советском понимании стандарты часто отождествлялись с жесткой нормой, связанной с наложением ограничений. Централизованная советская экономика была создана, чтобы использовать преимущества массового производства. Советское жилье создавалось в экономике массового производства, нацеленной на большой объем, низкую стоимость, стандартное качество и взаимозаменяемые компоненты¹³. Советское городское планирование, жестко регулируемое СНИПами, основывалось на модернистском функциональном зонировании и нормировании потребностей жителей — от мест в столовой и больнице до нормы иметь оперный театр в городах с населением, превышающим 100 тыс. человек¹⁴. Жесткое регулирование позволяло осуществлять централизацию и синхронизацию строительства, производства, планирования на разных уровнях: районном,

6 Mumford E.P. (2018) *Designing the Modern City: Urbanism Since 1850*, Urbanism Since 1850. New Haven, CT: Yale University Press.

7 Domhardt K.S. (2012) The Garden City Idea in the CIAM Discourse on Urbanism: A Path to Comprehensive Planning // *Planning Perspectives*. Vol. 27. No. 2 <<https://doi.org/10.1080/02665433.2012.646768>>; Geertse M.A. (2012) *Defining the Universal City*. The International Federation for Housing and Town Planning and Transnational Planning Dialogue 1913–1945.

8 Crinson M. (2017) *Rebuilding Babel: Modern Architecture and Internationalism*. L.: I.B. Tauris.

9 Simmons D.J. (2004) *Minimal Frenchmen: Science and Standards of Living, 1840–1960*. University of Chicago. См. статьи в: Cupers K. (2013) *Use Matters: An Alternative History of Architecture*. L.; N. Y.: Routledge.

10 Cupers K. (2014) *The Social Project: Housing Postwar France*. University of Minnesota Press.

11 Harris S.E. (2013) *Communism on Tomorrow Street: Mass Housing and Everyday Life After Stalin*. Woodrow Wilson Center Press. P. 54.

12 Mandel'shtam N. (1970) *Hope Against Hope: A Memoir*. N. Y.: Atheneum. 1st ed. P. 135.

13 Harrison M. (2017) *The Soviet Economy, 1917–1991: Its Life and Afterlife*. Coventry: Warwick Economics. P. 7.

14 Ревзин Г., Тарновецкая Р., Чубукова М. (2013) Модернистский проект городской культуры и его судьба в Москве // *Археология периферии [Московский урбанистический форум]*. Москва. С. 280.

городском и региональным. К. Зарекор называет именно эту связанность архитектурного проектирования с долгосрочным планированием городского развития и строительной инфраструктурой основной характеристикой советского проекта¹⁵.

Но как стандарты становятся стандартами? А. Берто (Alain Bertaud) показывает, что градостроительные стандарты становятся нормативными на основании эмпирических данных мировых практик¹⁶. Воссужием полагает, что производство стандартов зависит от мощных институтов, способных ретранслировать нормы на подчиненные территории, он считает, что «история стандартизации — это история институционализации, даже фетишизации, нормализации»¹⁷. В Советском Союзе были созданы централизованные институты с достаточными привилегиями, чтобы внедрять стандарты. Для эффективной выработки и трансляции этих норм на обширную территорию СССР была выстроена централизованная и строго иерархическая система институтов и государственных регуляторов. Госстрой, Госплан и другие бюрократизированные и централизованные органы планирования и проектирования получили права проведения универсальной технической политики и нормализации городского проекта на всей территории СССР. В этой среде норма, тип, инструкция становятся не только ограничением, но и эффективным инструментом работы проектировщика. Как показывает В. Кулич в интервью, приведенном в настоящем номере журнала, именно в этой институциональной среде были выработаны архитектура и принципы проектирования, нацеленные на создание публичного пространства советского социального проекта. Успехи советского градостроительства свидетельствуют о том, что высокая зарегулированность не всегда может восприниматься в негативном ключе, но также служит и плодотворной средой для разработки проектов высокого качества.

С 1930-х годов советская институциональная система градостроительства выстраивалась для эффективного проектирования социалистических «городов будущего»¹⁸. Однако жесткое понимание нормирования, нацеленное на гарантирование минимальных благ, обернулось известным однообразием советского проекта. В этом плане Кольер оценивает успех советского градостроительства как «пиррову победу»: «...примечательна не его неспособность создать идеальные “города будущего”, а его патологическая неспособность [отступить от стандартов] и создавать что-либо еще»¹⁹. В частности, постсоветские годы продемонстрировали сложности переориентации данной институциональной системы на производство городского пространства, отвечающего рыночной экономике²⁰.

Советское нормирование до сих пор в полной мере не преодолено. В постсоветских городах у горожанина постепенно меняется образ жизни и, соответственно, запрос на жилое пространство и среду. Попытки подхватить этот запрос выражались в создании новых норм и реформировании устаревших институтов планирования и регулирования. Особенно определено эта тема звучала в последние годы в реконструкции и преобразовании Москвы, в двух крупных проектах, нацеленных на радикальное изменение городского пространства. Первый проект — масштабная программа ДОМ.РФ и КБ «Стрелка» по формированию Стандартов строительства жилья²¹. Программа ориентирована на закрепление минимальных требований качества, планировок и реализации объектов жилищного строительства на всей территории России. Вто-

15 Zarecor K.E. (2017) What Was So Socialist about the Socialist City? Second World Urbanity in Europe // Journal of Urban History. Vol. 44, No. 1 <<https://doi.org/10.1177/0096144217710229>>.

16 Bertaud A. (2018) Order without Design: How Markets Shape Cities. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.

17 Vossoughian N. (2014) Standardization Reconsidered: Normierung in and After Ernst Neufert's Bauplanungslehre (1936) // Grey Room. No. 54. P. 49–50 <https://doi.org/10.1162/GREY_a_00125>.

18 По формированию подхода советского градостроительства см.: Боденшатц Х., Пост К. (2015) Градостроительство в тени Сталина: мир в поисках социалистического города в СССР. 1929–1935. Берлин; Косенкова Ю.Л. (2009) Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М., 2-е изд.

19 Collier S.J. (2011) Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton: Princeton University Press. P. 112.

20 Новиков А.В. (2018) Человек и город. Кем и как создается городская среда? Лекция Фонда Егора Гайдара <<https://www.kommersant.ru/doc/3594351>>.

21 Город — сказка, город — мечта. Новые стандарты строительства и благоустройства изменят жизнь россиян <<https://lenta.ru/articles/2017/09/07/strelka/>>.

рой проект — московская программа реновации, предлагающая заменить весь объем жилья, построенного в 1960-е годы, или 10% от общего количества жилья, на новую жилую среду²².

Несмотря на то что оба проекта так или иначе нацелены на выработку и установку новых городских нормативов, они в значительной степени воспроизводят советские паттерны «нормализации» городских пространств. КБ в 2018 г. работало и на национальном уровне — более чем с 400 муниципалитетами, от Грозного до Свободного. Так, в интерпретации М. Муравски, само представление, что локальное регулирование можно предусмотреть из московских офисов, напоминает утрированный колониционный подход к городскому планированию, и даже еще больший уровень централизации, чем тот, что предлагался системой советских институтов²³. Иллюзия существования единой меры комфорта упрощает разнообразие средовых предпочтений жителей, а курс на снижение самостоятельности городского самоуправления возвращает нас к системе централизованной трансляции «универсальной формулы» на всю территорию России.

В своем исследовании правовых аспектов программы реновации А. Верещагин показывает, как поиск универсальных формул жилой среды обусловлен стремлением к повышению комфорта, хотя в большинстве случаев это не что иное, как воспроизведение прежних паттернов массового советского домостроения²⁴. Таким образом, оба проекта напоминают о советском прошлом. Несмотря на то что последние двадцать лет зачастую до неузнаваемости изменили жилое пространство, советское прошлое порой наиболее отчетливо прослеживается именно в стандартах городской инфраструктуры.

В данном номере журнала «Городские исследования и практики» мы задаемся вопросом: как вырабатывались нормы раньше и как вырабатываются сейчас? Статьи, собранные в номере, предлагают взгляд на историю стандартизации в советской архитектуре XX в. и в постсоветское время, а также обсуждают стандарты в современном городском пространстве.

Интервью с К. Зарекор и В. Куличом — это образовательная оптика, методологический взгляд на период социализма и логику архитектурного пространства того периода. Несколько лет назад они были одними из первых, кто в США занимался программой изучения социалистического наследия, сегодня этой теме посвящено много исследований. Безусловно, это дает широкие возможности для сравнения и углубления знаний: “We’re trying to think about our course not only as kind of a sweep through the historical part of socialism, but also to think through case studies in different contexts. Our students are contributing to the study of case-studies from different countries, and we can see discuss how the architecture of Socialist Yugoslavia was different from Czechoslovakia, or from Vietnam”.

Д. Кишш (Daniel Kiss) в статье “New Norms — Old Modus” предлагает дискуссию о трансформациях, происходящих в Венгрии в постсоветское время. Развивающийся свободный рынок требовал новых форм регулирования, а также институтов планирования. Тема их трансформации на постсоветском пространстве до сих пор мало изучена. Однако переход от централизованной системы планирования к горизонтальной, привязанной во многом к инвестиционной логике, а не логике субсидирования, связан с необходимостью крупных изменений во всей структуре планирования. Д. Кишш разбирает кейс Будапешта в период с 1990 по 2010 г.

Что касается практики советского периода, одним из ключевых исследователей которого, безусловно, является М. Меерович, мы рады опубликовать его статью, подготовленную для номера, но не завершённую. Тем не менее мы не взяли на себя смелость вносить изменения в текст и сохранили его полностью в исходном виде, собрав к нему иллюстрации по имеющимся в тексте сноскам. «Нормализация» пространства страны как подход к управлению огромным пространством от Москвы до Владивостока создала уникальный ландшафт советского города, где экономическая логика постсоветского периода слишком сложно приживается.

Вместе с тем постсоветское становление градостроительного нормирования как системы представлено в статье Э.К. Трутнева. Критика методологических подходов, невыполнения задач содержательного наполнения компонентов нормирования во многом создает «тупик» для всей системы в целом. Это текст-рассуждение о возможных вариантах выхода из сложившегося тупика.

22 См.: <https://www.mos.ru/city/projects/renovation/>

23 Муравски М. «Зарядьелогия». АРХИважно.

24 Верещагин А. (2017) Реновация по-советски // Legal.report. 24 мая <<https://legal.report/renovaciya-po-sovetski-k-voprosu-o-razvitii-kapitalizma-v-rossii/>>.

Отдельным сюжетом в работе с нормативами градостроительного проектирования является историческая среда. Логика стандартизации во многом призвана создать типовые средовые решения, однако историческая среда любого города — набор «исключений» для такого рода логики. В статье И.В. Карасельниковой и В.Э. Стадникова уникальность свойств исторической среды рассмотрена с точки зрения новой институциональной экономики. Такой взгляд позволяет критически отнестись к логике принятия решений о развитии и параметрических ограничениях для исторических территорий, но главное — к задачам стимулирования на них инвестиционной активности. Пример Самары, предложенный авторами статьи, показывает, как само по себе нормативное законодательство не является условием сохранения свойств среды, сохранения витальности пространства исторического центра.

Доступность социальных благ — школ, детских садов, поликлиник — лежит в основе нормирования их размещения в границах планировочных единиц. Н.А. Грошков на примере учреждений общего образования Москвы рассуждает об изменении подхода к их размещению. В условиях ограниченных ресурсов на содержание социальной инфраструктуры меняется и пространственная типология, зачастую уходя от крупных единичных объектов к небольшим встроенно-пристроенным помещениям для размещения образовательных функций.

Нам также показалось интересным включить в номер статью на тему дачи. В отличие от стандартного пространства города дача оставалась и остается пространством сохранившегося индивидуального. В статье “Extending the Space of Domesticity in Post-Soviet Russia or How the Dacha is Transforming into a Suburban Home in Moscow Region” Е.В. Полухина исследует этот феномен в противовес городскому образу советской жизни.

Это только начало разговора о происходящих сегодня изменениях в сфере «нормализации» городского пространства. Вопросов гораздо больше, чем ответов на них, однако практика производства нормативов в сфере проектирования предоставляет широкие возможности для дискуссий, которые мы надеемся продолжить.

*Редакторы — составители номера
Н.А. Ерофеев, М.В. Сапунова*